

## ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ПОВЕСТИ И.ИЛЬФА И Е.ПЕТРОВА «СВЕТЛАЯ ЛИЧНОСТЬ»

© 2012 К.С.Поздняков

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 03.10.2012

Статья посвящена рассмотрению интертекстуальных связей повести И.Ильфа и Е.Петрова «Светлая личность». Анализируются пародийные отсылки к классическим произведениям мировой литературы, а также лейтмотивы произведений Ильфа и Петрова. В статье освещены антиутопические черты поэтики «Светлой личности».

*Ключевые слова:* интертекст, антиутопия, соцреализм, пародия, гротеск, мотив.

Повесть «Светлая личность» И.Ильфа и Е.Петрова была написана во время своеобразного перерыва между работой над частями дилогии о похождениях Остапа Бендера. Удивительно, что данное произведение совершенно незаслуженно остаётся в тени «Двенадцати стульев» и «Золотого телёнка». Понятно, почему повесть кратко и поверхностно описана в книге Яновской «Почему вы пишете смешно?», но достаточно странно, что подробное рассмотрение «Светлой личности» отсутствует в книге Я.С.Лурье «В краю непуганых идиотов», ведь именно последний автор совершенно точно отмечает присутствие кафкианского абсурда в новеллах соавторов, например, в том же «КЛООПе». Подобные, условно назовём их вслед за Лурье «кафкианскими», мотивы явственно просматриваются в кардинальном событии сюжета «Светлой личности». Если главный герой «Превращения» Кафки по непонятным причинам просыпался в новом теле насекомого, то Егор Карлович Филюрин свою телесную оболочку терял, становясь невидимым. Можно было бы, конечно, указать на отличие между двумя метаморфозами. Ведь если превращение Грегора Замзы не объяснялось, то причина потери физической оболочки Филюриним мотивируется воздействием мыла веснулин, изобретённого сумасшедшим учёным Бабским. На самом деле, принцип детерминизма, чуждый модернистскому письму, соблюден в «Светлой личности» лишь поверхностно. В этом плане, причинно-следственные связи «Светлой личности» вполне сопоставимы с повестью Роберта Луиса Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Как известно, именно в этом произведении, написанном в 1886 году, просматривается научно-фантастическая подоплё-

ка, ведь доктор перевоплощается в своё alter ego благодаря изобретённому им химическому составу. Однако в финале, из последнего письма Джекила читатель узнаёт, что чудодейственная сила эликсира объяснялась не гениальностью учёного, а мистической случайностью: «Запасы соли, не возобновлявшиеся со времени первого опыта, начали иссякать. Я послал купить её и смешал питье – жидкость закипела, цвет переменялся, но второй перемены не последовало; я выпил, но состав не подействовал. Пул расскажет вам, как я приказывал обшарить все аптеки Лондона, но тщетно, и теперь я не сомневаюсь, что в той соли, которой я пользовался, была какая-то примесь, и что именно эта неведомая примесь придавала силу питью»<sup>1</sup>. Ирония ситуации заключается в том, что все расчёты доктора обращаются в ничто, благодаря случайности, неучтённой примеси. Любопытно, что в повести «Светлая личность» сумасшедший учёный Бабский так же терпит поражение при попытке обрести невидимость, изобрести волшебное мыло во второй раз не получается. Трагическая сцена из произведения Стивенсона откровенно пародируется в произведении Ильфа и Петрова: «Целый месяц Бабский искал утерянный секрет «веснулина» и кончил тем, что окончательно рехнулся, выкрасился и в полной уверенности, что стал прозрачным, выбежал на люди»<sup>2</sup>. О том, что Ильф был знаком с повестью Стивенсона говорит его оценка экранизации «Доктора Джекила», которую он вместе с Петровым видел в Голливуде: «Сегодня нам показал две своих картины Мамуляян: «Доктор Джекил» по Стивенсону и толстовское «Вос-

<sup>1</sup> Стивенсон Роберт Луис. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда // Р.Л.Стивенсон. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 2. – М.: 1967. – С. 571.

<sup>2</sup> Ильф И., Петров Е. Светлая личность // И.Ильф, Е.Петров. 1001 день, или Новая Шахерезада. – М.: 2005. – С. 74.

<sup>0</sup> Поздняков Константин Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: kopozdnyakov@yandex.ru

кресение». «Джекиль» сделан превосходно»<sup>3</sup>. Главное же, что причинно-следственная связь оказывается фактически разрушенной, по крайней мере, пародировано сниженной. Таким образом, происходит выход на проблему интертекстуальности повести «Светлая личность». Наиболее удачно определил интертекст французский семиотик Ролан Барт: «Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек»<sup>4</sup>. Учитывая данные дефиниции, можно сказать, что вопрос: были ли знакомы Ильф и Петров с творчеством Кафки, не представляется значимым, поскольку может иметь место бессознательная цитация или случайное совпадение, которое, тем не менее, не отменяет интертекстуальности произведения.

Общего же с новеллой Кафки в повести «Светлая личность» находится немало. Во-первых, главный герой в обоих произведениях – фактически «маленький человек», персонаж, существующий по своеобразному, когда-то установленному расписанию. Замза работает коммивояжёром, являясь основным источником доходов для своей семьи. Вся его жизнь – это работа, без которой он не представляет себе существования. Трагизм ситуации превращения подчёркивается тем, что человеческое в Замзе открывается перед читателем только после того, как он стал насекомым. Жизнь Филюрина так же проходит весьма однообразно: даже в мелочах Егор Карлович старается не отступать от когда-то сложившихся привычных стратегий поведения. Характерно, что единственная разученная Филюриным музыкальная пьеса для мандолины называется «Осенний сон». Повторяющийся сон, в противовес полновесной жизни, не-алиби в бытии, и представляется существованием советского чиновника. У Замзы и Филюрина от человека остаётся только душа. Ключевая разница между произведениями, в отношении автора-повествователя. Там, где у Кафки рисуется трагизм отчуждения и типичная для его произведений

проблема взаимоотношений отца и сына, у Ильфа и Петрова появляется печальная ирония в отношении к герою: «Осталось только то, в чём Филюрин до сих пор совершенно не нуждался. Осталась душа»<sup>5</sup>. Нужно сказать, что в судьбах героев проявляется ещё одно сходство. Это подчёркнутая пассивность и Замзы, и Филюрина, их паническое нежелание менять свою жизнь. Грегор с ужасом понимает, что не может выйти на работу и терпеливо сносит все нападки родителей и сестры, в конечном итоге, смиренно принимая смерть, а Филюрин добивается продолжения трудовой деятельности в ПищКаХа, впоследствии становясь послушным орудием в руках Иоаннопольского. Думается, по вышеперечисленным моментам, сближающим «Превращение» и «Светлую личность», становится очевидно, что повесть Ильфа и Петрова гораздо значимей, чем ранее представлялось исследователям творчества соавторов. Развенчанию подвергается святое для соцреализма представление о «коллективе» или коллективном теле, где все едины и равны. Благодаря легенде, придуманной Иоаннопольским, о постоянно наблюдающим за всеми Филюриным-Прозрачным, в отдельно взятом городе Пищеславе фактически наступает эпоха коммунизма: преступники сдаются милиции, мошенники вынуждены прекратить осуществлять свои махинации, литератор Вавила Пекарь признаётся в плагиате и т.д. Но особое внимание привлекает следующий фрагмент: «Иной подымал руку, чтобы ударить жену, но, поражённый мыслью о Прозрачном, тянулся рукою за ненужным предметом.

«Ну его к черту! – думал он. – Может быть, стоит тут рядом и все видит. Опозорит ведь на всю жизнь. Всем расскажет»<sup>6</sup>. (стр. 58)

С одной стороны, в приведённом отрывке просматриваются антиутопические черты, схожие с романом Замятина «Мы». Прозрачный Филюрин наблюдает за бытом каждого человека, в любой ситуации, в каждый момент времени, так жители Единого Государства следят друг за другом через прозрачные стены частных комнат. Перед нами – прообраз коммуналок настоящего и будущего, когда индивид лишён частного, всегда находясь под надзором коллектива. Прозрачный Филюрин – эдакий общий сосед, который может находиться за спиной мужа, собирающегося ударить жену, а потом «опозорить на всю жизнь». Примечательна мысль: «Всем расскажет». «Все» – это и есть коллектив, который может осудить и наказать.

<sup>3</sup> Ильф И. Письма из Америки // И.Ильф, Е.Петров. Одноэтажная Америка. – М.: 2011. – С. 471.

<sup>4</sup> Цит. по: Степанов Ю. В мире семиотики // Семиотика. – М.: 2001. – С.36 – 37.

<sup>5</sup> Ильф И., Петров Е. Светлая личность // И.Ильф, Е.Петров. 1001 день.... – С. 22.

<sup>6</sup> Там же. – С. 58.

С другой стороны, происходит развенчание мифа о дружном коллективе. Общность оказывается мнимой, выстраиваемой за счёт страха. Коллективное единение оказывается лишь покровом для человеческого отчуждения. Примечательно, что финал «Светлой личности» оптимистичен: «За время прозрачности Филюрина город отвык от мошенников и не хотел снова к ним привыкать»<sup>7</sup>. Однако не стоит забывать, что в четвёртой главе произведения Пищеслав охарактеризован как «ужасный город», и в этом плане финальное возвращение на круги своя не представляется таким уж радужным, поскольку помимо избавления от мошенников, больше ничего не меняется. Данное предположение подтверждает обмен фразами между Иоаннопольским и Пташниковым:

«Евсей Львович сполз с винтового табурета и подошёл к Пташникову.

– Ну что? – спросил он.

– Я думаю, что на нервной почве, – ответил Пташников по привычке»<sup>8</sup>.

Стоит пояснить, что Пташников в Пищ-Ка-Ха помимо трудовых обязанностей играет роль лекаря и даёт своим сослуживцам совершенно нелепые советы:

« – Ну что? – спросил Пташников, останавливая бег своего пера и обратив к Иоаннопольскому круглое лицо. – Как адrenaлин?

– Выпускал, как вы говорили. С носом у меня теперь всё благополучно, но знаете что, Пташников...»<sup>9</sup>.

Ясно, что Пташников обманщик, правда, действующий не ради материальной выгоды, а ради повышения своего авторитета среди служащих Пищ-Ка-Ха. То, что в финале повести он продолжает ставить свои диагнозы, говорит о мнимом оптимизме авторов.

«Ужасы» города Пищеслава, по мнению Л.М.Яновской, являются примером фантастического гротеска, и в то же время, пародийно-сатирическим отображением того, что представлял собой провинциальный советский город эпохи НЭПа «(Пищеслав) оказывается, чем-то похож на многие маленькие города эпохи нэпа, олицетворяя косное и реакционное, что норвило прижиться здесь после революции, – этот выдуманный городок мещанства, бюрократизма и разлагающегося нэпманства»<sup>10</sup>. Следовательно, Пищеслав можно

рассматривать как переосмысленный, в соответствии с духом времени, образ провинциального города из классической русской литературы. К такому пониманию пространственной организации подводят интертекстуальные отсылки, встречающиеся в тексте повести. К примеру, когда Иоаннопольский начинает запугивать своих сослуживцев Прозрачным Филюриным, звучит следующая фраза: «На другой день за вами приходят от прокурора с криком: «А подать сюда Гоголя-Моголя!»<sup>11</sup>. Видоизменённая цитата из «Ревизора» вновь указывает на связь с образом провинциального города в классической литературе, а фигуру Филюрина позволяет сопоставить с Хлестаковым. Сходство между этими персонажами действительно есть, Хлестаков предстаёт для городничего и прочих чиновников городка идеальным ревизором, будто воплощая их ожидания, вплоть до женитьбы на дочери Сквозника-Дмухановского. Филюрин послушно соответствует образу, сконструированному Иоаннопольским, и пугает пишеславских служащих неожиданным выкриком «А я здесь!». Стоит отметить, что Пищеслав – это не только отражение абсурда, происходящего в провинциальных городках времён нэпа. Провинциальный город в русской литературе является воплощением того, что происходит в центре, и в целом, в России. Достаточно вспомнить «Историю одного города» М.Е.Салтыкова-Щедрина, сатирическую историю Российского Государства.

Думается, что образ Пищеслава значимей, чем в характеристике, данной Л.М.Яновской. Провинциальный город в произведениях Ильфа и Петрова – это всегда микрокосмос, имеющий свою мифологию. В «Светлой личности» постоянно появляются пародийные отсылки к Священным Текстам. История из Ветхого Завета получает новое звучание, поскольку Каин не убивает, а увольняет родного брата Авеля. Несмотря на откровенно пародийный характер данной сцены, злодейство Каина не становится менее значимым. Пищеславский Каин увольняет не только брата, но и своих детей, попутно составляя на них анонимный донос, в котором пытается спасти свою репутацию: «смертельно перепуганный Доброгласов ополчался на собственных своих сыновей, на плоть от плоти и кровь от крови»<sup>12</sup>. В пятой главе Евсею Львовичу снятся «семь управделами тучных и семь управделами тощих»<sup>13</sup>, отсылая читателя к главам книги Бытия, рассказывающим об Иосифе и его братьях. Примечателен и сон Каина Александро-

<sup>7</sup> Ильф И., Петров Е. Светлая личность // И.Ильф, Е.Петров. 1001 день.... – С. 89.

<sup>8</sup> Там же. – С. 89.

<sup>9</sup> Там же. – С. 28.

<sup>10</sup> Яновская Л.М. Почему вы пишете смешно? – М.: 1969. – С. 48.

<sup>11</sup> Ильф И., Петров Е. Светлая личность // И.Ильф, Е.Петров. 1001 день.... – С. 51.

<sup>12</sup> Там же. – С. 53.

<sup>13</sup> Там же. – С. 45.

вича, в котором с помощью каламбура обыгрывается троянский цикл мифов: «Он (Доброгласов) отчётливо видел ахейских воинов, подступивших к огромным воротам Трои и с удивлением останавливающихся перед белой эмалированной таблицей с надписью: «Приама нет!»»<sup>14</sup>. В этом плане стоит вспомнить слова Ю.К.Олеши о первых произведениях Ильфа: «чувствовалось, что какие-то литературные настроения Запада, неизвестные нам, ему известны»<sup>15</sup>. Пожалуй, одно из ключевых «литературных настроений Запада» в рамках модернистской поэтики начала XX века – неомифологизм. Достаточно вспомнить произведения Т.Манна, П.Лагерквиста, Ф.Кафки, Г.Майринка, А.Мейчена, чтобы убедиться в этом. Многочисленные отсылки к Ветхому завету и другим мифологиям встречаются не только в «Светлой личности», но и в цикле новелл «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска», а название «1001 день, или новая Шахерезада» прямо указывает на «1001 ночь». Мифологическая основа в модернистских произведениях всегда подвергается переозначиванию, зачастую сюжет пародийно выворачивается наизнанку. В произведениях Ильфа и Петрова подобная пародийность носит комический характер, который зачастую «покрывает» трагизм происходящих событий. Разве не ужасна ситуация, когда отец пишет донос на собственных детей? Начиная с тридцатых годов XX века в Советской России, такой сюжетный поворот точно не проходил по ведомству фантастического гротеска. Неомифологические приёмы позволяют утверждать, что в своей повести Ильф и Петров выводят на сцену не только собирательный образ маленького провинциального городка времён нэпа, но и всю Советскую Россию с её прошлым, настоящим и будущим.

Настоящее Советской России очевидно проявляется в «новоязе». В повести появляются нелепые аббревиатуры (Пищ-Ка-Ха, ПАКС), вошедшие в моду слова-штампы (вся заметка Доброгласова пестрит протокольными словосочетаниями: кумовство, гнилая язва протекционизма и т.п.). Ещё одна черта времени – борьба литературных группировок – спародирована в полемике ПАКСа и Чересседельника. Под видом Пищеславской Ассоциации Культурных Строителей, соавторы, очевидно, высмеивают РАПП. Российская Ассоциация Пролетарских Писателей отличилась масштабной кампанией против «попутчиков» (к которым относились Ильф и Петров): «МАПП и его

рупор – журнал «На посту» – так яростно напали на попутчиков, что 36 литераторов-попутчиков обратились в ЦК партии с просьбой оградить их от подобных нападков»<sup>16</sup>. В повести «Светлая личность» основные занятия ПАКСовцев сводятся к ожесточённой полемике с оппонентами из Чересседельника (семантика названия второй группы со всей очевидностью указывает на полную бездеятельность конкурентов ПАКСа). При этом представители ПАКСа не стесняются в выражениях: «работе мешают демагогические выступления оголтелой кучки зарвавшихся политиканов, давно выжженных из ПАКСа каленым железом, а ныне приютившихся под крылышком мелкобуржуазной литгруппы «Чересседельник»»<sup>17</sup>. Особого внимания заслуживает последняя характеристика врага, как «мелкобуржуазной литгруппы», указывающая на то, что Чересседельник не может считаться советской литературной организацией. Штамп всегда выполняет функцию маркирующую, отмечая то или иное явление знаком + или –. РАППовцы, стремившиеся стать главной пропартийной организацией на территории Советского Союза, всячески подчёркивали то, что их оппонентов по-настоящему советскими или пролетарскими считать нельзя. Идеология у рапповцев подменяла художественность. Важно и то, что «литературное творчество являлось для них (РАППовцев) деятельностью второстепенного характера с точки зрения отведённого на это времени (некоторые ничего не писали, другие – только в свободное время). Даже после того, как руководители РАПП оставили партийную работу, чтобы посвятить себя «литературе», большую часть своего времени они отдавали публицистике и организационной работе»<sup>18</sup>. В этом плане проявляется сходство с ПАКСовцами: «хотя организационный период литгруппы ПАКС давно закончился, но мы, несмотря на то, что зарвавшиеся политиканы из «Чересседельника» нам уже не мешают, к творческой работе до сих пор не приступили и, вероятно, никогда не приступим»<sup>19</sup>. Творческие неудачи РАППовцев гиперболизируются и высмеиваются. Литгруппа, так и не создавшая ни одного произведения, вряд ли, может считаться литературной. В саморазоблачении секретаря ПАКСа тов. Пекаря значимым представляется и упоминание

<sup>14</sup> Ильф И., Петров Е. Светлая личность // И.Ильф, Е.Петров. 1001 день... – С. 82.

<sup>15</sup> Ильф А. «Загадочная еврейская душа...» // Ильф И. Дом с кренделями. – М.: 2009. – С. 491 – 492.

<sup>16</sup> Кларк К. РАПП и институционализация советского культурного поля в 1920-х – начале 1930-х годов // Соцреалистический канон. – СПб.: 2000. – С. 210.

<sup>17</sup> Ильф И., Петров Е. Светлая личность // И.Ильф, Е.Петров. 1001 день... – С. 42.

<sup>18</sup> Кларк К. РАПП и институционализация советского культурного поля .... – С. 213 – 214.

<sup>19</sup> Ильф И., Петров Е. Светлая личность // И.Ильф, Е.Петров. 1001 день... – С. 56.

романа Гладкова «Цемент». «Цемент» сыграл большую роль в потере РАППом авторитета: «Этот роман стал центральным произведением для формирования литературной традиции, тогда как «Разгром» Фадеева, хотя и включался в список канонических образцов, оказал значительно меньше влияния на литературную традицию. На самом деле, такой род «психологического реализма», который содержался в романе открыто отвергался как непригодный для соцреализма.

Причина предпочтения «Цемент» «Разгрому» кроется не только в изображённом в этом романе образе героя-исполина, но в том, что «Цемент» – это типичный производственный роман»<sup>20</sup>.

В повести «Светлая личность» единственным произведением, созданным Пекарем, оказывается роман «Асфальт», который «полностью переписан с романа Гладкова «Цемент», почитать который дала мне московская знакомая, зубной техник, гражданка Меерович-Панченко»<sup>21</sup>. Данный отрывок продолжает тему противостояния Пищеслава Москве. Именно соревнуясь со столицей, пишеславцы устанавливают нелепый конный памятник Тимирязеву, пытаются открыть собственное производство, хотя спрос на горны и барабаны отсутствует и т.д. В этом ряду стоит и плагиат Пекаря, однако желание заполучить актуальный и «правильный» с партийной точки зрения текст и за счёт этого возвыситься над своими конкурентами вполне соответствует стратегиям РАППовцев. Пищеславские «литераторы» не желают отставать от своих коллег из столицы, но, видимо, таланты и первых, и вторых вполне сопоставимы.

Пространство провинциального советского города помимо сходства с аналогичными образами в классической литературе, имеет и существенные отличия. История переименования города напоминает читателю о том, что Рабле был одним из любимых писателей Ильфа. Изначально город называется Кукуев, данный топоним заставляет вспомнить известную матерную частушку про село Кукуево, отсылая к материально-телесному низу. Абсурд заключается в том, что после переименования при советской власти, семантика названия существенных изменений не претерпела. Пищеслав означает прославление пищи, вновь указывая на материально-телесный низ. Фантастическая история про машину Скоропиц Бабского, производящую огромное количество пельменей, так же напоминает раблезианские масштабы.

Пространство Пищеслава абсурдно в той же степени, что и его название. Город погружён в небытие, на это указывает автор-повествователь, сравнивая жизнь Пищеслава с утомительным сном. Стоит вновь вспомнить, что и единственная пьеса для мандолины, разученная Филюриным, называется «Осенний сон». Пищеславцы, отчаянно соревнующиеся с Москвой (примерно таким же образом соревновалась Эллочка Людоедка с «Вандербильдихой» в романе «Двенадцать стульев», объект зависти не был в курсе войны, объявленной Людоедкой), живут во сне, без надежды на пробуждение. В ряду пишеславцев ограниченный, не знающий самых элементарных вещей Филюрин (газетная хроника с описанием дел алиментчиков по-настоящему шокирует Егора Карловича) выделяется только за счёт своей невидимости, при этом человеческие качества, та самая душа, которая только и осталась у героя в расчёт никем не берётся. Метафорическое словосочетание «светлая личность» материализуется, личность Филюрина настолько светла, что её не видно, она прозрачна. Таким образом, само понятие светлой личности как личности выдающейся, гениальной – обесценивается. Подобное разрушение привычного понимания происходит посредством семантической подстановки. В данном случае, можно говорить о том, что соавторы уловили мифологизирующую направленность соцреалистической эпохи и иронизировали по этому поводу.

Все пишеславские учреждения оказываются совершенно бесполезными, не выполняющими тех задач, для решения которых они были построены или открыты. Снова возникает параллель с «Ревизором», вспоминается больница, где пациент «если умрёт, то и так умрёт; если выздоровеет, то и так выздоровеет»<sup>22</sup>, суд, сторожа которого «завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под ногами»<sup>23</sup>, или учебные заведения со странными педагогами. Подобный абсурд царит и в Пищеславе. Объединённый центральный клуб не может выполнять своих функций, поскольку всё его пространство заполнено колоннами разных видов, «в здании была только одна маленькая, совсем тёмная комнатка площадью в семь квадратных метров»<sup>24</sup>. Горожане любят клуб снаружи, поскольку внутри можно заблудиться (что и происходит с Филюриным). В пишеславском театре нельзя демонстрировать пьесы без полного освещения,

<sup>20</sup> Кларк К. РАПП и институционализация советского культурного поля... – С. 221.

<sup>21</sup> Ильф И., Петров Е. Светлая личность // И.Ильф, Е.Петров. 1001 день... – С. 56.

<sup>22</sup> Гоголь Н.В. Ревизор // Н.В.Гоголь. Собрание сочинений в шести томах. – Т. 4. – М.: 1952. – С. 13.

<sup>23</sup> Там же. – С. 13.

<sup>24</sup> Ильф И., Петров Е. Светлая личность // И.Ильф, Е.Петров. 1001... – С. 39.

«потому что в темноте мерзкие твари (клопы) могли бы съесть зрителя вместе с контрамаркой»<sup>25</sup>. Местная газета не освещает события, происходящие в Пищеславе, поскольку «четыре скромные полосы заняты были полемическими письмами в редакцию двух враждовавших между собою литературных групп»<sup>26</sup>. Таким образом, появляется ещё один, мотив крайне важный для всего творчества Ильфа и Петрова – это описание бессмысленности или бесполезности деятельности учреждения или организации. В этом плане, как совершенно точно отметил Лурье, многие новеллы соавторов сопоставимы с творчеством Ф.Кафки. В «Процессе» и в незаконченном «Замке» изображены загадочные бюрократические машины, суть действий которых не в состоянии разгадать герои произведений. Подобный образ появляется и в произведениях советских соавторов. Помимо бесполезных организаций и учреждений в повести «Светлая личность», можно указать на «Рассказ о «Гелиотропе»» из «1001 дня, или Новой Шахерезады». Начальник газонов Абукиров и главный по вазонам Женералов изображают друг перед другом кипучую деятельность, несмотря на то, что на самом деле работы для них нет. Вышеупомянутый мотив страха советского человека перед другим, заставляет сослуживцев продолжать разыгрывать нелепый спектакль: «И рассказывают, что эти глупые люди до сих пор продолжают симулировать за своими жёлтыми шведскими бюро»<sup>27</sup>. Впрочем, обрамляющее новеллы повествование о конторе по заготовке Когтей и Хвостов вполне сопоставимо с историей «Гелиотропа». Начальник учреждения Фанатюк, вместо исполнения своих непосредственных обязанностей, как и Каин Александрович Доброгласов из «Светлой личности», предпочитает увольнять неугодных ему сотрудников. Правда и увольнения «оптом» у Фанатюка не выходит, он убивает время, выслушивая занима-

тельные истории Шахерезады Фёдоровны Шайтановой. «Говорящие» фамилии новой Шахерезады и её покровителя Сатанюка указывают на то, что финальный переворот в конторе, вряд ли, принесёт добрые плоды. В «Светлой личности» свержение Доброгласова Иоаннопольским привело лишь к тому, что все выгоды положения Каина Александровича стал использовать Евсей Львович. В обоих случаях «революция» на уровне организации сводится к схеме, описанной в «1001-м дне»: «Если бы победил титан Фанатюк, то всем сторонникам Сатанюка грозило бы увольнение. Победа же титана Сатанюка вызвала бы немедленное изгнание из конторы всех последователей Фанатюка»<sup>28</sup>.

Нужно сказать, что чем дальше, тем меньше оптимистического было в произведениях Ильфа и Петрова. И если изображения симуляции работы в повестях конца 20-х годов оттенялось откровенно фантастическим, гротескным антуражем, то в новеллах начала 30-х образы советских учреждений вызывают весьма пессимистические ощущения абсурда окружающей действительности. Итак, можно с уверенностью утверждать, что рассмотрение прозы Ильфа и Петрова на предмет интертекстуальных отсылок, приводит не только к обнаружению связей с европейской литературой, фольклором, но и к выявлению мотивов, объединяющих всю прозу соавторов в единый Текст, представляющийся ироничной реакцией на оформляющийся в 30-х годах XX века соцреалистический миф.

<sup>25</sup> Ильф И., Петров Е. Светлая личность // И.Ильф, Е.Петров. 1001.... – С. 65.

<sup>26</sup> Там же. – С. 42.

<sup>27</sup> Ильф И., Петров Е. 1001 день, или Новая Шахерезада // И.Ильф, Е.Петров. 1001.... – С. 147.

<sup>28</sup> Там же. – С. 130.

## INTERTEXTUALITY OF A SHORT NOVEL «SVETLAIA LICHNOST'» («THE LIGHTFUL PERSONALITY») BY I.ILF AND Y.PETROV

© 2012 C.S.Pozdnyakov<sup>o</sup>

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

This article focuses on examination of intertextual links in I.Ilf's and Y.Petrov's story «A Noble Personality». It deals with the analysis of parodic references to the world's literary classics and leitmotifs of I.Ilf's and Y.Petrov's literary works. It also considers dystopian traits of the poetics of «A Noble Personality».

*Key words:* intertext, dystopia, socialist realism, parody, grotesque, motive.

<sup>o</sup> *Constantin Sergeevich Pozdnyakov, PhD in philological sciences, associated professor of the faculty of Russian and international literature and methods of teaching. E-mail: [kopozdnyakov@yandex.ru](mailto:kopozdnyakov@yandex.ru)*